

Научная статья

УДК 343.01

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).315-323

EDN UJUVLJ

О принципе гарантированности уголовно-правового поощрения: социально-правовое обоснование, механизм реализации

Олег Валерьевич Колосовский

Коллегия адвокатов «Право», г. Челябинск, Россия

oleg.kolosovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7235-1814>

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено социально-правовое обоснование принципа гарантированности уголовно-правового поощрения, выявлена проблема недостаточной разработанности механизма его реализации. Автор акцентирует внимание на необходимости четкой правовой регламентации применения поощрительных мер за позитивное посткриминальное поведение. В ходе исследования установлено, что существующая правовая регламентация поощрительных норм не обеспечивает должной гарантии их применения при наличии соответствующих оснований. Как полагает автор, проблема заключается в использовании в статье 79 УК РФ нетипичной модели построения правовой нормы, допускающей чрезмерную свободу судебного усмотрения при принятии решений о поощрении. В исследовании учтены современные тенденции судебной практики. Особое внимание уделено авторской классификации поведения осужденного на антагонистическое и кооперативное, что позволило разработать критерии оценки позитивного посткриминального поведения. Обоснована методологическая ценность указанной классификации и ее отличие от известных в теории права разработок. Выявлено, что основанием применения поощрительных норм должна выступать совокупность признаков кооперативного поведения, включающая его систематичность (повторяемый характер) и факт возмещения вреда. На основе проведенного анализа сделан вывод о необходимости совершенствования механизма реализации принципа гарантированности уголовно-правового поощрения. Разработаны рамочные предложения по оптимизации правового регулирования условно-досрочного освобождения в уголовном законодательстве, направленные на повышение эффективности наказания и восстановление социальной справедливости. Рекомендовано закрепить в законодательстве обязательность мотивировки судом решения о необходимости дальнейшего отбывания наказания, что позволит обеспечить более предсказуемый и справедливый порядок применения поощрительных мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

юридические гарантии, принципы уголовного права, поощрение, позитивное поведение, освобождение от наказания, функции уголовного права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Колосовский О.В. О принципе гарантированности уголовно-правового поощрения: социально-правовое обоснование, механизм реализации / О.В. Колосовский. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).315-323. – EDN UJUVLJ // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 315–323.

Original article

On the principle of guaranteed criminal-legal incentives: social and legal justification, implementation mechanism

Oleg V. Kolosovsky

Bar Association "Pravo", Chelyabinsk, Russia

oleg.kolosovsky@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7235-1814>

ABSTRACT

This article examines the socio-legal justification for the principle of guaranteed criminal-law incentives and identifies the problem of an insufficiently developed mechanism for their implementation. The author emphasizes the need for clear legal regulation of the application of incentive measures for positive post-criminal behavior. The study found that the existing legal framework for incentive norms does not adequately guarantee their application when appropriate grounds exist. The author believes that the problem lies in the use of an atypical model for constructing a legal norm in Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation, which allows for excessive judicial discretion when making decisions on incentives. The study takes into account current trends

© Колосовский О.В., 2026

in judicial practice. Particular attention is paid to the author's classification of convict behavior into antagonistic and cooperative, which allowed for the development of criteria for assessing positive post-criminal behavior. The methodological value of this classification and its differences from existing developments in legal theory are substantiated. It was found that the basis for applying incentive standards should be a combination of characteristics of cooperative behavior, including its systematic (repetitive) nature and the fact of compensation for damages. Based on the analysis, it was concluded that it is necessary to improve the mechanism for implementing the principle of guaranteed criminal incentives. Framework proposals have been developed to optimize the legal regulation of parole in criminal law, aimed at increasing the effectiveness of punishment and restoring social justice. It is recommended that the court should establish mandatory reasons for its decision on the need to continue serving a sentence, which will ensure a more predictable and fair procedure for applying incentive measures.

KEYWORDS

legal guarantees, principles of criminal law, incentives, positive behavior, exemption from punishment, functions of criminal law

FOR CITATION

Kolosovsky O.V. On the principle of guaranteed criminal-legal incentives: social and legal justification, implementation mechanism. *Akademicheskij yuridicheskij journal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):315–323. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).315-323. EDN: EDN UJUVLJ.

Введение

Принципиально, чтобы из содержания правовых норм любой член общества имел возможность уяснить, совершение каких социально полезных действий гарантированно будет расценено государством как изменение тенденций поведения лица, совершившего преступление, в положительную сторону с вытекающими из этого правовыми последствиями. Цена возможной ошибки высока: необоснованное устранение правоограничений в отношении социально опасного элемента представляет риск для общественного порядка. В той или иной мере обозначенная проблема затрагивает каждого члена общества. Как замечено в литературе, контролировать преступность – задача, за которую ответственно все общество солидарно, а не только профессиональные юристы [1, с. 138].

В центре внимания настоящего исследования правовые средства опосредованного контроля преступности – поощрительные меры, применяемые за позитивное посткриминальное поведение. Обозначенное опосредованное воздействие проявляется в том, что стимулирование социально значимого поведения содействует ресоциализации лица, совершившего преступление, формированию у него новых ценностных установок, желательных для общества, а в конечном счете – коррекции его поведения и превенции преступлений.

Стимулирование позитивного поведения должно производиться не в случайном порядке, а на базе принципов уголовно-правового поощрения, которые разработаны и выделены в обособленную группу в рамках статико-динамической концепции уголовно-правовых принципов [2]. Предметом настоящего исследования является принцип гарантированности уголовно-правового

поощрения, актуальность исследования которого видится в следующем. Выше были подчеркнуты негативные последствия необоснованного стимулирования, однако необходимо заметить, что необоснованный отказ в поощрении при наличии оснований к нему представляет, вероятно, даже большую опасность. Преступление по своей природе – явление хаотическое, дезорганизующее нормальное функционирование общественных отношений. Наказание, напротив, обусловлено определенными целями и не должно существовать в отрыве от них (не должно быть чрезмерно суровым по своему характеру или длиться дольше, чем необходимо для достижения целей). Ситуации, при которой *de lege lata* наказание еще может продолжаться применяться, а *de lege ferenda* – в нем более нет необходимости, так как продолжение правоограничений в полном объеме после позитивного поведения лица, совершившего преступление, уже не отвечает требованию справедливости, теоретически быть не должно.

В той мере, в какой обрисованная ситуация допускается в реальной действительности, наблюдается отход от уголовно-правового принципа гарантированности поощрения. Исследования данного принципа представляются необходимыми в первую очередь для того, чтобы минимизировать разрыв между сущим и должным в сфере реагирования на позитивное посткриминальное поведение. Во вторую очередь и в той мере, в какой это не будет противоречить принципам законности и справедливости в уголовно-правовой политике, как представляется, стоит принимать во внимание то, что чрезмерное, диспропорциональное по отношению к своей цели наказание повышает экономические издержки общества на обеспечение механизма государственного принуждения, посредством которого реализуются

меры уголовно-правового характера. Вопросы, связанные со стимулированием социально-полезного поведения, попадали в центр внимания специалистов по теории права и ученых-криминалистов (см., например: [3–6]), однако принцип гарантированности уголовно-правового поощрения как самостоятельный предмет исследования не получил достаточного освещения в юридической литературе.

Результаты исследования

Н.С. Таганцев справедливо отграничил от наказания в уголовно-правовом смысле нравственно-психологические страдания, муки совести, которые может испытывать лицо, совершившее преступление [7, с. 6]. Указанные последствия могут сопровождать наказание, однако обособленно как цель наказания их не выделяют главным образом потому, что они не поддаются внешнему наблюдению и оценке в отрыве от поведения лица. В науке уголовного права высказано суждение, что личность вообще некорректно рассматривать вне связи с ее поведением, так как не получившие внешнего выражения характеристики человека «никакого отношения к личности как к члену общества не имеют» [8, с. 44]. В то же время с этической точки зрения было бы неправильным совсем не учитывать морально-нравственные страдания лица, в частности, если оно встало на путь исправления и подтвердило это рядом внешне наблюдаемых актов позитивного поведения, которые в совокупности образуют оформившуюся тенденцию.

В реальности назначаемое наказание опирается на прогноз его эффективности, который, даже несмотря на следование принципу индивидуализации наказания, может в конкретном случае оправдаться или оказаться неточным. В доктрине замечено, что суд «вынужден прогнозировать» перспективу исправления осужденного при назначении ему наказания [9, с. 189]. На одно и то же наказание два разных обвиняемых при одинаковой квалификации содеянного могут отреагировать по-разному в силу наличия такого фактора, как свобода воли у каждого человека. И если лицо демонстрирует устойчивую тенденцию к позитивному поведению, изначально справедливая мера наказания в определенный момент перестает быть в полной мере адекватной изменившейся характеристике личности субъекта, возникает необходимость в применении поощрительных мер.

Сторонники позитивистского понимания права могут возразить, что назначенное однаж-

ды в пределах санкции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) и с соблюдением уголовно-процессуальных норм наказание остается правильным при любых обстоятельствах, ведь оно основано на законе. При указанной форме правопонимания принцип гарантированности уголовно-правового поощрения, по-видимому, выглядел бы чужеродным элементом в системе уголовно-правовых принципов и применяться не должен. Если интерпретировать законность механистически, как простое соответствие между требованиями буквы закона и реальной действительностью, то и в самом деле проблемы не возникало бы: в обозначенном случае презюмируется (или даже категорически утверждается), что законодатель заранее предусмотрел все возможные сценарии и с учетом их вывел некий «рецепт», *a priori* отвечающий всеобщему благу.

Данная концепция уязвима для критики с тех позиций, что невозможно дать точный прогноз субъективного отношения осужденного к назначенному наказанию и последующей коррекции его поведения (либо отсутствия таковой). Чтобы сгладить остроту отмеченной проблемы, в уголовное законодательство были инкорпорированы различные правовые средства реагирования на позитивное посткриминальное поведение в период отбывания наказания. Наибольший регулятивный потенциал по стимулированию правопослушного поведения имеют положения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в силу того обстоятельства, что названная мера по своей природе предполагает восстановление ограниченных прав осужденного в большей степени, чем замена одного вида наказания другим. В этой связи представляется необходимым рассмотреть данный правовой институт подробнее.

Первый этап развития отечественного законодательства в данной сфере основан на подходе, который представляется возможным условно обозначить как теорию волюнтаристского милосердия. Указанный подход вытекает из упомянутого выше позитивистского понимания законности в уголовном праве как механистического соответствия между применяемыми мерами уголовно-правового воздействия и пределами, обозначенными для соответствующих случаев специальными нормами УК РФ. Если единожды назначенное в предусмотренных законом пределах наказание *a priori* всегда считать адекватной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

и справедливой мерой воздействия, то любое освобождение от него является только проявлением милосердия, но не объективной необходимостью. А значит, данный вопрос в таком случае оставляется на усмотрение правоприменителя, который правомочен принимать решение, отталкиваясь не только от характеристики самого лица и от того, как осужденный себя проявил за период отбывания наказания, но и от неких более или менее случайных обстоятельств (например, особенности мировоззренческих установок конкретного судьи, включая его личное понимание милосердия и т.д.).

Если суд не обязан даже при наличии всех перечисленных в законе условий освобождать лицо от наказания, а это является лишь его правом, то в соответствии с буквальным толкованием закона было достаточно мотивировать принятое решение отсылкой к данному факту (к тому, что у суда нет обязанности применять к лицу меру поощрения). По выражению Фомы Аквинского, «то, что существует без необходимости, может и не быть» [10, с. 249].

Не без оснований усмотрев проблему в таком положении, при котором даже при наличии к тому всех объективных оснований поощрения фактически может и не последовать, законодатель внес изменения, изложив статью 79 УК РФ в новой редакции, в соответствии с которой лицо «подлежит условно-досрочному освобождению» (а не «может быть освобождено условно-досрочно», как было в первоначальной редакции), если соблюдены предусмотренные законом условия. В литературе не без оснований замечено, что новая редакция названной нормы является шагом вперед в реализации принципа гарантированности уголовно-правового поощрения по сравнению с прежней редакцией указанной статьи, которая явно указанному принципу противоречила [2, с. 351].

Впрочем, при анализе содержания действующей редакции статьи 79 УК РФ, а в особенности того смысла, который придает ей правоприменительная практика, выясняется, что внесенная поправка приобрела в большей степени косметический, чем принципиальный характер. Например, осужденный обратился в Октябрьский районный суд г. Омска с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Отказывая ему «в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, суд... руководствовался требованиями ст. 79 УК РФ, согласно которым лицо, отбывающее наказание, подлежит условно-досрочному освобождению, если

судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, *из чего следует, что решение об условно-досрочном освобождении осужденного от наказания является правом, а не обязанностью суда* (курсив наш. — О.К.)»². Данный способ толкования ст. 79 УК РФ получил распространение в судебной практике³. Подобное толкование, как представляется, полностью нивелирует тот эффект, которого, как можно полагать, стремился добиться законодатель: установить правило, согласно которому при наличии всех требуемых законом условий освобождение от наказания является именно обязанностью суда.

Однако не представляется возможным всю ответственность за столь неудовлетворительный результат возложить на правоприменителей, обвинив их в ошибочном установлении намерений законодателя. Следует признать, что в случае со статьей 79 УК РФ воля последнего была выражена нечетко. Как видится, законодатель прибегнул к использованию так называемой «каучуковой» (нетипичной) правовой нормы, которая не имеет вполне определенного содержания и в которую может быть вложен разный смысл (см. об этом, например: [11; 12]). Формулировка «если судом будет признано, что для своего исправления оно [лицо, отбывающее наказание] не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания» может быть интерпретирована как «если суд посчитает целесообразным», и из приведенного выше примера усматривается, что именно так она и толкуется судебной практикой.

Допустим, в законодательство был бы инкорпорирован «каучуковый» состав преступления, в соответствии с которым лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, когда суд посчитает это целесообразным. Не вызывает сомнения, что подобная норма была бы встречена

² Апелляционное постановление Омского областного суда № 22-856/2025 от 6 апр. 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V3U3O76yZGYN> (дата обращения: 22.11.2025).

³ См., напр.: Апелляционное постановление № 22-4123/2023 Омского областного суда от 10 дек. 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RS4pZQ5GQEdT> (дата обращения: 22.11.2025); Апелляционное постановление Омского областного суда № 22-2338/2023 от 19 июля 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CO4TGqYee9R> (дата обращения: 22.11.2025); Апелляционное постановление Омского областного суда № 22-3367/2020-22-62/2021 от 10 янв. 2021 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZRqbulJuv2dx> (дата обращения: 22.11.2025).

на критически как обществом, так и профессиональными юристами. Однако в случае с поощрительной нормой подобная ситуация *de lege lata* допущена, что противоречит принципу гарантированности уголовно-правового поощрения. По замечанию В.Н. Кудрявцева, правовые нормы, сформулированные «нарочито неясно, расплывчато», «оставляют широкие возможности для судебного произвола» [13, с. 37].

Закон, который бы допускал произвольное привлечение к уголовной ответственности, конечно, имел бы гораздо более пагубное воздействие на общественные отношения, чем закон, допускающий отказ от восстановления прав осужденного при наличии к тому оснований. В то же время это не отменяет того, что опасность не только первого, но и второго свойства заслуживает внимания ученых-правоведов. В своем становлении право проходит определенные этапы. На первом историческом этапе право выступает инструментом борьбы с наиболее явными угрозами для государства и общества. Так, по заключению Н.Д. Сергеевского, XVII век в отечественной истории был периодом, в котором «все приносилось на жертву государству, а для человека оставалось очень мало места» [14, с. 100]. Однако «меняется реальность – должен меняться и закон» [15, с. 50]: логика развития права такова, что по мере укрепления его роли в обществе все более в центр внимания попадают права и свободы человека. Провозглашение их высшей ценностью в статье 2 Конституции Российской Федерации⁴ не просто ознаменовало собой шаг вперед в развитии отечественной правовой системы, но представляет собой обязательный ориентир для отраслевых правовых дисциплин.

На данном этапе от читателя может последовать возражение, что уголовное право – это отрасль, традиционно относимая к публичному праву, основанному на властных началах, выполняющая охранительную функцию, с учетом этого ограничение прав личности производится неизбежно, а поэтому ожидать от уголовного права большей защиты прав личности означало бы поступиться самим предназначением уголовного права и поставить под угрозу нормальное функционирование общества. Чтобы упредить подобное критическое замечание и более подробно обосновать социально-правовое предназначение принципа гарантированности уголовно-правового по-

ощрения, представляется необходимым затронуть вопрос о том, что есть публичное право, который представляет здесь интерес постольку, поскольку «публично-уголовное право есть не более как особый отдел публичного права» [16, с. 185].

С.А. Муромцев отмечал, что произведенная римскими юристами классификация права, в которой выделено частное и публичное право, является верной по существу, но классическую характеристику этого различия нельзя признать состоятельной [16, с. 169–170]. Критикуя современное ему состояние дифференциации частного и публичного права в науке, С.А. Муромцев указывал, что противопоставление общего блага и личной пользы не в силах оправдать разграничение права на частное и публичное. По замечанию исследователя, которое представляет интерес и для настоящего исследования, коллективное благо не антагонистично по своей сущности по отношению к интересу отдельного человека, а лишь объединяет в себе совокупность множественных интересов частных лиц [16, с. 170]. Принципиально для целей настоящего исследования указание С.А. Муромцева на то, что «в отдельных случаях частный интерес может стать враждебным к общему благу, но по общему своему характеру, общее благо есть не что иное, как сочетание, которое необходимо для совместного развития многих частных интересов» [16, с. 171].

Необходимо поддержать изложенные положения. Они, во-первых, свидетельствуют в пользу состоятельности самой концепции принципа гарантированности уголовно-правового поощрения позитивного поведения отдельного лица, интерес которого не противоречит (или, используя терминологию С.А. Муромцева, не является враждебным) с неизбежностью задаче охраны общественных отношений или благ (обзор точек зрения по данному вопросу см.: [17, с. 20–26]), которые выступают объектом уголовно-правовой охраны. Во-вторых, учение С.А. Муромцева может служить методологической базой для решения частного вопроса: как должен выглядеть механизм реализации принципа гарантированности уголовно-правового поощрения? На основе вышеизложенного поведение лица в зависимости от его направленности по отношению к общественным интересам, ценностям можно классифицировать на антагонистическое и кооперативное. Первое из указанных видов в той или иной мере опасно или вредно для общества, бросает вызов социальным нормам, в то время как второе направлено на солидаризирование с обществом, интеграцию его ценностей и правил.

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

Именно кооперативное поведение может выступать социально-юридическим основанием применения к лицу поощрительных мер, причем правопорядок не должен оставаться безразличным к указанному поведению, ведь это противоречило бы самой сущности права, которое стремится «социализировать личность, подавляя природную агрессивность, умеряя эгоистические инстинкты и страсти, побуждающие людей к деяниям, опасным и вредным для других людей и данного общества» [18, с. 189]. И если есть признаки того, что в отношении конкретного лица правопорядок в достижении обозначенных целей преуспел, и данная тенденция приобрела прочный характер, в справедливо устроенном обществе должно гарантироваться наступление правовых последствий в отношении лица, соответствующего указанным признакам.

Отличие изложенного предложения от общепризнанного в теории права деления юридически значимого поведения на правомерное и противоправное видится в том, что авторская классификация более точно отвечает задаче определения признаков, при установлении которых необходимо поощрение в уголовном праве. Представляется, что объемы понятий «кооперативное поведение» и «правомерное поведение» пересекаются, но не совпадают. Например, осужденный к наказанию в виде лишения свободы может прибегнуть к такому способу реализации своих прав, как совершение сделок с выездом нотариуса к месту отбывания наказания. Нет сомнений, что данное поведение, как правило, будет правомерным, что дополнительно обеспечивается участием нотариуса. Однако сам по себе факт совершения тех или иных сделок лишь отражает сохранение гражданской правоспособности, но никак не характеризует степень исправления лица и его отношение к обществу. Из природы сделки может усматриваться, что она направлена, к примеру, на возмещение вреда потерпевшему, тогда поведение следует расценить как кооперативное в контексте задач уголовного права. Таким образом, не любое правомерное поведение в явном виде отражает отношение его производителя к обществу, к назначенному судом наказанию, соответственно, дихотомическое деление поведения на правомерное и неправомерное не в полной мере отвечает задаче определения признаков поведения, которое должно поощряться.

Представляется, что предложенная классификация как обладает гносеологической функцией, так и может служить ориентиром при выработке более эффективных поощрительных норм

в уголовном праве. Предложенная теоретическая модель объясняет, почему отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания *de lege lata* отнесено к обстоятельствам, имеющим значение при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении. Учеба и труд, если они направлены на созидательные цели, способствуют повышению индивидуального человеческого капитала, создают предпосылки для дальнейшей ресоциализации индивида, вследствие чего оба данных вида деятельности следует отнести к кооперативному поведению.

В то же время объем понятия «кооперативное поведение», как представляется, не исчерпывается только лишь созидательным трудом и обретением полезных знаний. Думается, что в его содержание входят и различные формы альтруистического поведения. Альтруистическое поведение в не меньшей степени позволяет судить о смене ценностных ориентаций у осужденного, чем учеба или труд, поскольку устойчивость мотивации осужденного к последним в индивидуальной ситуации установить может быть сложно. Осужденный может прибегнуть к данным формам кооперативного поведения, понимая, что так или иначе он обязан посредством труда произвести определенную ценность, получить вознаграждение, посредством чего как минимум частично возместить причиненный ущерб, но будет ли он и далее продолжать стремиться к труду или учебе уже после возмещения ущерба – вопрос открытый.

В свете изложенного, как представляется, следует обратить внимание и на иные формы кооперативного поведения, в том числе и такие, которые являются выполнением конституционных обязанностей. Например, динамика исполнения совершеннолетним лицом конституционной обязанности заботиться о нетрудоспособных родителях (статья 38 Конституции РФ) также может в числе прочих факторов свидетельствовать о кооперативных тенденциях в его поведении.

Иллюстрацией указанного тезиса может служить следующий пример из судебной практики. Осужденный обратился в Железнодорожный районный суд г. Хабаровска с ходатайством об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания в виде принудительных работ. Осужденный наряду с прочими обстоятельствами обратил внимание суда на то, что он частично компенсировал причиненный потерпевшим моральный вред, а кроме того, он оказывает материальную помощь своим родителям, один из

которых, как указал автор ходатайства, является инвалидом III группы и испытывает финансовые затруднения.

В удовлетворении ходатайства осужденного было отказано. Суд апелляционной инстанции, согласившись с принятым по делу процессуальным решением, в частности, отметил, что «наличие на иждивении родителей, наличие кредитных обязательств само по себе не свидетельствует о наличии оснований для удовлетворения ходатайства об условно-досрочном освобождении... поскольку не характеризует поведение осужденного и степень его исправления». С приведенной правовой позицией суда можно согласиться лишь отчасти.

Сам по себе факт исполнения той или иной конституционной обязанности, вероятно, в самом деле ничего не говорит о степени исправления лица. Однако представляется, что требование обоснованности судебных постановлений, вытекающее из принципа законности (статья 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵), во взаимосвязи с положениями части 4.1 статьи 79 УК РФ подразумевает при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении оценку поведения осужденного не только в статике, но и в динамике. И если бы указанное уже было ранее учтено в приговоре в качестве смягчающего обстоятельства, и суд впоследствии при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении обратил бы на это обстоятельство внимание, а также выявил бы, что за прошедшее с момента постановления приговора время никаких изменений в исполнении лицом его конституционной обязанности не усматривается ни в количественном, ни в качественном отношении, в таком случае принятое процессуальное решение представлялось бы справедливым. Однако *a priori* отвергать данный довод осужденного как не имеющий никакого отношения к его исправлению видится неправильным и не соответствующим концепции кооперативного поведения в авторском понимании.

В общем случае в демократическом обществе государство не требует в явной форме от личности чего-то сверх исполнения обязанностей, однако осуждение лица связано с нарушением им уголовно-правового запрета, который, в свою очередь, основывается на охране того или иного объекта. Объекту преступления в случае нарушения запрета причиняется ущерб, и данное обстоя-

тельство выступает этическим и юридическим основанием возложения повышенных требований на личность. В этом смысле если субъект впоследствии претендует на применение к нему поощрительных мер, от него требуется нечто большее, чем просто систематическое правомерное поведение. Необходимо продемонстрировать позитивное поведение такого характера и объема, которые позволили бы сделать обоснованный вывод о том, что лицо не нуждается в полном воздействии назначенной ранее меры наказания. Как отмечалось выше, суд при назначении наказания делает определенный прогноз. Для частичного пересмотра данного прогноза в сторону улучшения необходимы данные, которые достаточно бы свидетельствовали о более скором, чем ожидалось, достижении целей наказания. Об этом не может быть речи, в частности, если осужденный не предпринял зависящих от него мер для восстановления социальной справедливости.

В данном контексте становится значимым такое поведение, которое позволяет (в той мере, в какой это в принципе возможно) восстановить положение, существовавшее до совершения преступления, либо косвенным образом компенсировать вред, причиненный преступлением. Примером абсолютной невозможности восстановления первоначального положения выступает доведенное до конца преступное посягательство на жизнь человека: речь может идти лишь о возмещении косвенного ущерба родственникам.

Поощрительные нормы уголовного права выполняют восстановительную функцию, которая в литературе также названа «функцией обеспечения (стимулирования) заглаживания вреда, причиненного преступлениями» [19, с. 461, 464]. С учетом указанного в части 1 статьи 79 УК РФ применение к лицу поощрительных мер справедливо обусловлено полным или частичным возмещением им вреда, причиненного преступлением.

Проблема, однако, усматривается в том, что только одного указанного критерия явно недостаточно для того, чтобы можно было делать вывод о возможности коррекции прогноза относительно достижения целей наказания в индивидуальном случае. Материальный и моральный вред может быть в полной мере возмещен еще до назначения судом наказания, что подлежит учету в качестве смягчающего наказания обстоятельства, но само по себе не может свидетельствовать об исправлении. В то же время никаких иных четких ориентиров, с опорой на которые можно было бы делать вывод о том, нуждается ли

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

осужденный в полном отбывании наказания, из содержания статьи 79 УК РФ не усматривается. А при названных обстоятельствах нельзя считать оптимальными и условия для реализации восстановительной функции уголовного права: о каких действенных гарантиях по возмещению ущерба может идти речь, если для позитивного поведения носителя обязанности по указанному возмещению отсутствует четкий и предсказуемый стимул, если применение поощрительной нормы для него не гарантировано?

Выводы

С точки зрения справедливости правопорядок должен не просто допускать, но и гарантировать наступление правовых последствий в отношении лица за позитивное посткриминальное поведение. В ходе настоящего исследования было выявлено, что принцип гарантированности уголовно-правового поощрения имеет не только этико-философское, но и практическое обоснование, поскольку потенциально позволяет обеспечить эффективную реализацию восстановительной функции в уголовном праве. Проблема разработки механизма реализации упомянутого принципа, как представляется, заслуживает самостоятельного исследования, но на основе вышеизложенного можно наметить контуры данного механизма. Отправной точкой

может служить предложенная классификация поведения на антагонистическое и кооперативное. Основанием применения поощрительных норм на стадии индивидуализации наказания в процессе его исполнения, как представляется, *de lege ferenda* должна выступать совокупность следующих условий: 1) выявление признаков кооперативного поведения, которое должно включать возмещение причиненного преступлением вреда, но не ограничиваться только этим; 2) системный характер кооперативного поведения: оно должно носить не разовый характер, а проявляться на протяжении всего периода отбывания наказания и свидетельствовать о наличии оформившейся тенденции; 3) отсутствуют выявленные судом обстоятельства, которые могли бы обосновать необходимость дальнейшего ограничения прав осужденного.

С учетом изложенного видится целесообразным закрепление в статье 79 УК РФ обязательности для суда указания на конкретные обстоятельства (в случае установления таковых), которые, по мнению суда, свидетельствуют о необходимости дальнейшего отбывания лицом наказания. Данный подход отвечал бы принципу гарантированности уголовно-правового поощрения, позволил бы отказаться от парадигмы «применение поощрительных норм всегда остается лишь правом, а не обязанностью суда».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жмуров Д.В. Прогнозирование преступности в контексте глобальных проблем человечества / Д.В. Жмуров. – DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).133-141. – EDN IRPPZD // Академический юридический журнал. – 2025. – Т. 26, № 1. – С. 133–141.
2. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система, виды : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Т.Р. Сабитов. – Екатеринбург, 2019. – 421 с.
3. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – EDN ТМНВТВ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 3(222). – С. 134–147.
4. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.В. Малько. – Саратов, 1995. – 362 с.
5. Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве (Вопросы теории, нормотворчества и правоприменения) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / И.А. Тарханов. – Казань, 2002. – 421 с.
6. Халилов Р.Р. Поощрение как форма позитивного стимулирования в уголовном праве / Р.Р. Халилов. – EDN PZVVMF // Политика и общество. – 2013. – № 1(97). – С. 24–27.
7. Таганцев Н.С. Русское уголовное право : в 2 т. / Н.С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – Т. 2. – 393 с.
8. Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность / А.Н. Павлухин, П.Н. Нестеренко, Н.Д. Эриашвили. – Москва : Юнити, 2007. – 112 с.
9. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. – Москва : ЮрИнфоР-Пресс, 2007. – 335 с.
10. Аквинский Ф. Учение о душе / Ф. Аквинский. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. – 480 с.
11. Рыбаков В.А. Нетипичные нормы права / В.А. Рыбаков. – EDN TFKDNJ // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2013. – № 3(36). – С. 24–29.
12. Мартынова С.В. Нормы права: структура и классификации / С.В. Мартынова. – DOI 10.37882/2223-2974.2021.08.18. – EDN RUVNBA // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2021. – № 8. – С. 130–133.

13. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Госюриздат, 1963. – 324 с.
14. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века / Н.Д. Сергеевский. – Владимир : Транзит Х, 2008. – 255 с.
15. Голик Ю.В. Истина в уголовном праве / Ю.В. Голик. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2013. – 53 с.
16. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2004. – 224 с.
17. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 198 с.
18. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права : монография / О.Э. Лейст. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 288 с.
19. Сабитов Р.А. Учение о последствиях преступлений : монография / Р.А. Сабитов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 528 с. – EDN TRXUYL.

REFERENCES

1. Zhmurov D.V. Crime forecasting in the context of global problems of humankind. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2025, vol. 26, no. 1, pp. 133–141. (In Russian). EDN: IRPPZD. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).133-141.
2. Sabitov T.R. *Criminal law principles: concept, system, types.. Doct. Diss.* Ekaterinburg, 2019. 421 p.
3. Mal'ko A.V. Incentives and Restrictions in Law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 3, pp. 134–147. (In Russian). EDN: TMHBTB.
4. Mal'ko A.V. *Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect. Doct. Diss.* Saratov, 1995. 362 p.
5. Tarkhanov I.A. *Encouraging positive behavior and its implementation in criminal law (Issues of theory, rulemaking, and law enforcement). Doct. Diss.* Kazan', 2002. 421 p.
6. Khalilov R.R. Encouragement as a form of positive incentive in criminal law. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, 2013, no. 1, pp. 24–27. (In Russian). EDN: PZVVMF.
7. Tagantsev N.S. *Russian criminal law.* Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 2. 393 p.
8. Pavlukhin A.N., Nesterenko P.N., Ehriashvili N.D. *Socially dangerous behavior and its criminal illegality.* Moscow, Yuniti Publ., 2007. 112 p.
9. Filimonov V.D., Filimonov O.V. *Legal relations. Criminal legal relations. Penal enforcement legal relations.* Moscow, YurInfoR-Press Publ., 2007. 335 p.
10. Akvinskii F. *The Doctrine of the Soul.* Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2004. 480 p.
11. Rybakov V.A. Atypical Rule of Right. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series: Law*, 2013, no. 3, pp. 24–29. (In Russian). EDN: TFKDNJ.
12. Martynova S.V. Rule of Law, Its Structure and Classification. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i Pravo = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Law and Economics*, 2021, no. 8, pp. 130–133. (In Russian). EDN: RUVNBA. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.08.18.
13. Kudryavtsev V.N. *Theoretical foundations of crime qualification.* Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 324 p.
14. Sergeevskii N.D. *Punishment in Russian law of the 17th century.* Vladimir, Tranzit Kh Publ., 2008. 255 p.
15. Golik Yu.V. *The truth in criminal law.* Saint Petersburg, Law Center Press Publ., 2013. 53 p.
16. Muromtsev S.A. *Definition and basic division of law.* 2nd ed. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 224 p.
17. Filimonov V.D. *The protective function of criminal law.* Saint Petersburg, Law Center Press Publ., 2003. 198 p.
18. Leist O.Eh. *The essence of law. Problems of theory and philosophy of law.* Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 288 p.
19. Sabitov R.A. *Teaching about the consequences of crimes.* Moscow, YurLitinform Publ., 2015. 528 p. EDN: TRXUYL.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Валерьевич Колосовский – адвокат. Коллегия адвокатов «Право» г. Челябинска. 454031, Россия, г. Челябинск, ул. Пожарского, 7. Scopus Author ID: 1187379; SPIN-код: 3383-9023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Kolosovsky – attorney. Bar Association “Pravo” of Chelyabinsk. 7 Pozharsky Str., Chelyabinsk, 454031, Russia. Scopus AuthorID: 1187379; SPIN-code: 3383-9023.

Поступила в редакцию / Received 24.11.2025

Доработана после рецензирования / Revised 02.02.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026